

А. В. КОЛЧАК

**Предварительный отчет
начальника экспедиции на Землю Беннетта
для оказания помощи барону Толлю.
(Доложено в заседании Физико-математического отделения
21 апреля 1904 г.).**

Согласно полученному мной от Комиссии для снаряжения Русской Полярной Экспедиции в январе месяце 1903 года предложению приступить к организации шлюпочной партии, я 17 января выехал в Архангельск и Мезень для найма 6 поморов-тюленепромышленников и осмотра мезенских промысловых вельботов. По прибытии в Мезень мне удалось найти 6 человек поморов, бывших участников Шпицбергенской экспедиции академика Ф. Н. Чернышева¹, но вельботы, употребляемые промышленниками для ледяного плавания, я признал неудобными в смысле возможной доставки их на берега Ледовитого океана в остающийся у меня в распоряжении короткий срок. Я признал возможным доставить на Новосибирские острова один из китобойных вельботов шхуны «Заря», зимующей в бухте Тикси, и для скорейшей подготовки снаряжения экспедиции в Казачьем на Яне, являющемся отходным пунктом моего предприятия на Новосибирские острова, телеграммой из Архангельска пригласил принять участие в порученном мне деле заведующего городским музеем в Якутске Павла Васильевича Оленина.

Кроме 6 человек поморов еще ранее дали согласие на свое участие бывший боцман шхуны «Заря» Бегичев и старший рулевой боцманмат Железников.

Вернувшись из Мезени 5 февраля, я отправил команду и грузы экспедиции, а 9 числа выехал сам в Иркутск. К 7 марта я со всеми грузами и людьми прибыл в Якутск. Для сокращения времени проезда по дорогам к северу от Якутска, обладающим крайне недостаточными средствами для передвижения, я отправил еще из Иркутска двух человек поморов обратно в Мезень, оставив только 6 человек вельботной команды. Далее я оставил в Якутске часть консервов, уменьшив свои запасы

до трехмесячных. Отправив тремя партиями людей и грузы из Якутска, я выехал 18 марта в Верхоянск. Помощник мой П. В. Оленин уехал еще раньше из Якутска в Казачье. 4 апреля я приехал в Казачье, а к 11 числу пришла последняя партия с моими грузами и людьми. Получив 12 числа извещение о затруднениях по доставке 40-пудового вельбота из Тикси в Казачье на расстояние около 420 верст, я немедленно выехал сам на одной нарте, но вельбота на пути уже не встретил. 21 апреля вельбот был уже в Казачьем, а 22 явился туда и я. Благодаря энергии П. В. Оленина и Бегичева была приобретена 161 собака, нарты и другие принадлежности для санных переходов на острова. 28 апреля, после окончания найма якутов, промышленников и отправки вперед вельбота и грузов, я оставил Казачье и 4 мая прибыл в Аджергайдах на берегу Ледовитого океана.

5 мая я вышел в море, направляясь мимо Св. Носа на южный берег Большого Ляховского острова, в составе одного помощника, 6 человек вельботной команды и 9 каюров-якутов и тунгусов при 10 нартах и вельботе, поставленном на две нарты, со 161 собакой. Неулов рыбы на Яне поставил мое предприятие в очень серьезные условия: у меня не было корма для собак, и еще в Казачьем мне пришлось кормить собак оленями, сберегая ограниченные запасы рыбы для перехода на острова. Несмотря на запасы провианта всего на 3 месяца и почти полное отсутствие научного снаряжения, 161 собаки было недостаточно. Тем не менее приобрести большее количество их было невозможно, так как и без того их пришлось закупать даже на Индигирке. К недостатку корма присоединились и тяжелые условия для перехода морем, так как время было позднее и днем уже начиналось таяние. На Большом Ляховском острове у меня кончились запасы рыбы для собак и пришлось обратиться к охоте на оленей, а при случае кормить собак консервами. Энергия моих спутников обусловила успешную охоту, и я прошел до Ванькина стана на северо-западном берегу Большого Ляховского острова, откуда предполагал идти на Фаддеевский остров и Новую Сибирь.

При существующих затруднительных обстоятельствах я решил идти через Малый Ляховский остров на остров Котельный, признав длинный переход морем, где я не мог рассчитывать на охоту, невозможным. Ввиду облегчения грузов, ушедших на корм собакам, я счел нужным ограничить число летующих на Новосибирских островах до минимума, а потому отправил с Малого Ляховского острова 4 якутов с двумя нартами и 30 собаками обратно на материк, сам же продолжал идти далее. 23 мая я пришел со всеми грузами и вельботом на Михайлов стан в 8 верстах к западу от Медвежьего мыса, который представляет южный пункт острова Котельный. На другой день на-

чалось сильное таяние, корма для собак у меня не было, охота была неудовлетворительна, так как оленей на юге Котельного оказалось очень мало. Убив 50 собак, я отправил помощника моего П. В. Оленина и Бегичева с оставшимися 80 собаками в Нерпалах, рассчитывая на запасы, оставленные в этом месте «Зарей», а сам с вельботом и вельботной командой остался на Михайловом стане, признав дальнейшее движение на собаках невозможным. Через день вскрылись и разошлись тундряные речки, образовались забереги; мы принялись за охоту на оленей и птиц для экономии наших ограниченных запасов провизии. 11 июня вернулись из Нерпалаха Оленин и Бегичев, привезя часть запасов и ничтожное количество сухой рыбы. Большая часть склада была еще ранее использована и увезена боцманматом Толстовым² партии инженера Бруснева, ничего не знавшего тогда о моем предприятии.

Ввиду сохранения собак для осеннего возвращения на материк я немедленно отослал трех каюров с 40 собаками летовать по западному берегу острова, а своего помощника Оленина с остальными двумя людьми и собаками отправил на юго-восточный берег, избрав для складочного места их запасов и осеннего пребывания Елисеевский стан по восточную сторону Медвежьего мыса, в 20 верстах от Михайлова стана. Сам я с 6 людьми вельботной команды остался на Михайловом стане, решив ждать вскрытия моря и тогда идти на вельботе по южную сторону земли Бунге и Фаддеевского острова в Благовещенский пролив, перейти его и выйти к мысу Высокому Новой Сибири для дальнейшего следования на землю Беннетта...

8 июля в ледяном покрове началось движение и я сделал попытку выйти в море, но, дойдя до Медвежьего мыса, вернулся обратно на Михайлов стан: с высоты мыса было видно, что море к востоку было покрыто сплошным льдом; не было даже заберегов, так как движущийся покров вышел на берега. Только 18 июля при крепком северо-западном ветре, в порывах доходившем до степени шторма (20 м), я вышел в море и добрался к вечеру частью под парусами, а частью тягой по льду до Елисеевского стана. На другой день я продолжал идти вдоль берегов Котельного и Земли Бунге на восток под парусами, местами выходя на лед и перетаскивая вельбот через массы стоящего льда. Тяжелая шлюпка, вместе с грузом весившая около 75 пудов, не раз заставляла нас вспоминать переход с материка, который мы все сделали, не выходя из лямок, и сравнительно с которым теперешний казался довольно легким и удобным; тем не менее мы подвигались вперед довольно успешно. Два обстоятельства крайне осложняли нашу работу: снег, шедший огромными массами каждый день с 19 по 26-е июля, и крайняя отmelость берегов земли Бунге и Фаддеевского острова,

не позволявшая шлюпке подойти ближе 2–3-х кабельтов к берегу и принуждавшая нас перебираться для отдыха по воде, перетаскивать палатку и провизию, что было крайне неудобно при отрицательных температурах воды и воздуха и очень ограниченных запасах белья и одежды (2 смены). Это же обстоятельство в связи со свежей погодой заставляло нас останавливаться и ночевать на стамухах, гигантским валом опоясывающих эти берега и отбивающих мелководную прибрежную полосу воды, где приходилось испытывать неудобства при напоре ледяных масс со стороны моря и рисковать потерей шлюпки. 26 июля верстах в 12 к югу от Песцового мыса Фаддеевского острова я встретился с боцманматом Толстовым, летовавшим с тремя якутами-промышленниками в ожидании прихода на этот остров барона Толля. 28 июля я добрался до Благовещенского мыса, с высоты которого Ледовитый океан и пролив представлялись в пределах горизонта покрытыми редким, проходимым льдом, но изменившийся ветер и густой туман известили нас о приближении массы льда: 29 июля мы встретили пролив, покрытый густым, мощным, хоть и очень раздробленным, льдом. Мелководный пролив, имеющий в этой части всего 25–27 верст и обладающий только узким фарватером с судоходными глубинами, лежащими вблизи Новой Сибири, представил значительные трудности для перехода. Стремительные приливные и отливные течения до 3–3½ узлов, несущие массы мощного льда, дробящиеся о многочисленные стамухи и торосы, стоящие на мели на 5-саженной глубине, разрушающие их и вновь громоздящие торосы, делают переход этим проливом очень серьезным. 18 часов почти непрерывной физической работы затратили мы за эти 25 верст, перебираясь по быстро движущемуся льду, переплывая внезапно открывавшиеся каналы и полыньи, несколько раз вытягиваясь на стамухи, чтобы избежать ледяного напора. 30 июля я пристал к мысу Высокому около знака, поставленного бароном Толлем в июне месяце 1902 года при уходе на север. Тут я посетил инженера М. И. Бруснева, летовавшего с двумя промышленниками на стане Бирули, пополнил охотой на оленей свои запасы и 2 августа в 6-м часу вечера оставил мыс Высокий и ушел в открытое море, взяв курс на мыс Эммы острова Беннетта. Мы шли греблей, ставя где возможно паруса, почти целые сутки с короткими остановками на мощных льдинах для еды и отдыха.

Море было очень чисто ото льда и к вечеру 3-го августа я был поставлен в затруднение найти надежную льдину для ночевки. Пришлось вытянуться на старую полуразрушенную льдину и поставить на ней палатку. Ночью поднялся свежий южный ветер, льдину разломало, и мы едва не лишились вельбота. На другой день, 4 августа, я продолжал идти под парусами, ничего не видя за туманом.

Только в половине второго часа дня поднявшийся наконец туман открыл нам прямо по курсу скалы и обрыв южного берега острова Беннетта вблизи мыса Эммы. Пройдя массы довольно редкого мощного льда без особых затруднений, я в 5 ч. вечера пристал к берегу острова. Еще не вышли мы из вельбота, как Железников, стоявший с крюком на баке, достал лежащий у уровня воды блестящий предмет, оказавшийся крышкой от алюминиевого котелка, которые находились в партии барона Толля. Выйдя на берег мы сейчас же нашли небольшой керн с лежащей под ним медвежьей шкурой, вблизи которого виднелись следы стоянки: обугленные куски плавника, оленьи и птичьи кости, пустые патроны, сломанные черенки охотничьих ножей, отрезанные бронзовые наконечники палаточных колышков и т. п. Факт пребывания барона Толля был установлен таким образом сразу. Вытанув вельбот и переночевав, я с Бегичевым и помором Рогачевым³ пошел на другой день на мыс Эммы, где по условию должен был находиться знак барона Толля. Нам пришлось перебираться через внутреннее плато острова, покрытое фирном, так как берег во многих местах совершенно недоступен и представляет из себя отвесные обрывы в несколько сот футов высоты (высота плато около 900 футов). Приближаясь к мысу Эммы, мы нашли в двух местах следы пребывания партии барона Толля: остатки костра, рубленное бревно плавника, оленьи рога со следами топора и обрывки второй медвежьей шкуры, вероятно съеденной другим медведем. На мысе Эммы, на россыпи на высоте около 60' над морем мы увидели керн с воткнутым однолопастным байдарочным веслом высотой около 3½–4'; у подножия его лежала бутылка с тремя записками. Первая извещала о благополучном прибытии партии барона Толля на остров 21 июля 1902 года; вторая содержала план и указание как найти жилище барона; третья записка Зееберга поясняла вторую и указывала на перемену места постройки поварни.

Извещения об оставлении острова не было, а потому после двух часов отдыха я с Бегичевым и Иньковым⁴ (Рогачев ушиб себе ногу) пошел назад к поварне барона Толля. Перебравшись через два ледника, из которых один был шириной более одной версты, мы прошли к низкой части острова, где на берегу лежало много плавника. Мы нашли здесь две песцовые пасти и 4 ящика с геологическими коллекциями. Пройдя возвышенный полуостров в юго-восточной части острова, который я назвал именем академика Чернышева, мы увидели небольшую поварню и через несколько минут были у нее. Поварня оказалась пустой и до половины наполненной снегом, смерзшимся в твердую ледяную массу, из-под которой торчал кусок дерева и куча камней от полуразобранного камина.

На полках мы нашли анемометр Фуса, ящик с мелкими геологическими образцами, которые я взял с собой, и жестянку приблизительно с 40 снаряженными дробовыми патронами, «Морской альманах», чистые записные книжки, несколько листов астрономии Цингера, пустые жестянки из-под пороха и консервов, отвертку и несколько пустых стеклянок. На оронах маленькой поварни, около 10 футов в поперечнике, лежала шкурка медвежонка, летняя обувь барона Толля и Зееберга, обрывки платья, берданка без затвора и кожаная портупья для геологического молотка со сломанным складным футом. Окончив осмотр, мы приступили к разламыванию льда и скоро нашли под кучей камней обшитый парусиной ящик с кругом Пистора, в котором лежал четвертый и последний документ, адресованный на имя президента Академии наук, на двух языках, русском и немецком, и содержащий краткое извещение о переходе партии барона с Новой Сибири на Беннетт, краткое описание острова Беннетта, оказавшегося небольшим скалистым островком около 40 верст в окружности, и извещение об уходе партии барона Толля с 14–20-дневным запасом провизии на юг 26 октября 1902 года. Продолжая ломать лед и разбирать камни, мы вынули испорченный фотографический аппарат, совершенно изломанный инклинатор Краузе и ящик с нетронутыми фотографическими пластинками. Больше ничего не было. Снаружи около поварни стоял столб без надписи со сброшенной изломанной самодельной будкой для термометров, валялись куски рубленого дерева и несколько жестянок из-под консервов, одна из которых была наполнена топленным медвежьим жиром. Взяв документ, круг Пистора и жестянку с геологическими образцами, я отправился на место стоянки, куда и пришел к 6 ч. утра 6 августа. Придя к палатке, я сейчас же послал трех человек к поварне еще раз осмотреть все и хорошенько взломать лед, чтобы убедиться, что там ничего более не осталось. На обратном пути люди должны были взять часть геологических коллекций, которую я накануне отобрал из оставленных бароном ящиков. К вечеру посланные вернулись, не принеся ничего нового. Я решил оставить Беннетт при первой возможности, считая дальнейшие поиски не оправдывающими риска позднего возвращения на Котельный: во-первых, конец августа надо считать концом шлюпочного плавания, во-вторых, запасы провизии, равно как и ограниченное количество платья и патронов, не позволяли мне задерживаться на Новой Сибири или Фаддеевском. Остров Беннетта представился мне почти во всей своей окружности; я видел, что это небольшой островок, с любого конца которого можно в течение дня дойти до поварни, и признаю невозможным, чтобы кто-либо из партии барона, высадившись на берег этого острова и будучи живым, не дошел бы до этой поварни.

На другой день, 7 августа, я оставил Беннетт, сложив около места стоянки большой керн, на котором оставил доску с датами посещений острова мною и бароном Толлем. Переход до Новой Сибири я сделал также в течение приблизительно 2-х суток, но уже при совершенно иных условиях.

В море было очень много льда, погоды стояли под конец очень свежие, хотя присутствие льда и не давало образоваться большой волне. Опасаясь войти в тумане и во льду в Благовещенский пролив, я вышел восточнее мыса Высокого к мысу Вознесения, куда и пришел ночью 9-го числа. 11 августа я пришел на стан Бирули, где отдыхал три дня, и 14-го числа ушел через пролив на Благовещенский мыс. Употребив на переход пролива более двух суток, я 16-го числа высадился на Фаддеевском острове на южную сторону Благовещенского мыса, где встретился согласно условию с боцманматом Толстовым. Переночевав на 18-е августа и приняв в вельбот Толстова, я продолжал идти вдоль берегов Фаддеевского острова на юг. 20-го числа выпал густой снег, уже не стаявший; мороз до -2° стоял также и в течение дня. Море покрывалось салом и новым льдом. С большими затруднениями прошли мы Фаддеевский остров, где я уже рассчитывал остаться до осени, и 27-го августа благополучно высадился на Михайловом стане острова Котельный. Мой помощник был уже на Елисеевской поварне, а через несколько дней вернулись и трое промышленников, летовавших на западном берегу Котельного; обе партии прекрасно выполнили свое назначение и прокормили охотой 80 собак.

Мы расширили и приспособили для зимы свои поварни, заготовили запасы дров и продолжали охоту на оленей, осенью собирающихся в ожидании возможного перехода морем в южной части острова. В конце сентября я предпринял небольшую санную поездку на Малокатын-Тас и перенес термометр, установленный экспедицией Волосовича на одном из отрогов, на самую высшую точку этого массива. П. В. Оленин ездил в это время осмотреть устья рек Глубокой и Балыктаха для выяснения взаимного положения этих рек и характера их низовьев. 25 сентября море у берега покрылось льдом, но 7 октября крепким ветром весь лед взломало и унесло в море, которое представлялось совершенно чистым ото льда. 12 октября море у берегов снова покрылось льдом, а 14-го я с Олениным уехал на двух нартах в Нерпалах; пройти далее на север мне не удалось, так как в Нерпалахе уже не было оленей, и пришлось вернуться назад. Крепкие ветра позволили оставить остров только 16 ноября: ранее море не становилось, да и теперь мы шли местами по очень тонкому льду, пересекая новые трещины, указывавшие на движение ледяного покрова. Во второй половине ноября настали штили, температура упала до -46° – -47°C . 26-го ноября

мы пришли в Аджергайдах, где нас встретил улусный голова Алексей Томский с посланными А. Д. Паляком оленями и провизией. 1 декабря я прибыл в Казачье, а к 7 числу пришла и вторая партия, вышедшая с Елисеевского стана 18-го ноября. 10-го декабря я послал Бегичева нарочным с телеграммами в Якутск, затем отправил всех людей и грузы и 20-го декабря выехал сам. Морозы в это время доходили в Казачьем до -55° , а в Верхоянске, где я был в первых числах января, падали ниже -60° . 26-го января я приехал в Якутск, и на другой день уже получились тревожные известия с Дальнего Востока. 28-го января было получено известие об объявлении войны и я, испросив разрешение Великого Князя Константина Константиновича отправиться на эскадру Тихого океана, сдал окончание дел экспедиции в Якутске своему помощнику Павлу Васильевичу Оленину. 3-го февраля выехал в Иркутск, куда и прибыл со всей командой 26-го февраля. 2-го марта я отправил под командой Железникова четырех поморов в С.-Петербург, а сам остался с Бегичевым, пожелавшим также ехать со мной в Порт-Артур, в Иркутске. 9 марта я и Бегичев уезжаем в Порт-Артур.

Иркутск, 9 марта 1904 года.

Лейтенант Колчак

